

A atmospheric photograph of a narrow, foggy street in London. The street is paved with cobblestones and is wet, reflecting the light. On the right, there are brick buildings with dark doorways and windows. A street lamp with a warm glow stands on the right side. The fog is thick, obscuring the buildings in the distance. The overall mood is mysterious and historical.

Владимир Харитонов

**Тайна
особняка на
Гросвенор-сквер**

Владимир Харитонов

Тайна особняка на Гросвенор-сквер

<https://litres.ru/74383724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрьский Лондон, 1889 год. Охраняемый особняк лорда Сэвилла на Гросвенор-сквер посещает неуловимый ночной «призрак». Визитер не трогает золото, его цель — письма покойного отца графа, где зашифрованы координаты сокровищ древнего индийского культа стоимостью в полмиллиона фунтов.

Распутывая это преступление, Шерлок Холмс и доктор Ватсон обнаружат скрытый ход за старинным венецианским зеркалом и столкнутся с невиданным техническим шпионажем. Но кто стоит за дерзким похищением: гениальный инженер, ведомый жаждой справедливости, или незримая тень профессора Мориарти? Великому сыщику придется пойти на смертельный риск в туманных доках Ратклифф, чтобы разыграть шах королю преступного мира.

Содержание

Глава 1. Анализ на рассвете	4
Глава 2. Странный посетитель с Гросвенор-сквер	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Харитонов

Тайна особняка на Гросвенор-сквер

Глава 1. Анализ на рассвете

Лондонский туман в ноябре 1889 года напоминал густой, грязновато-желтый суп, который медленно и неумолимо вползал в мельчайшие щели оконных рам нашей квартиры на Бейкер-стрит, 221-Б. Он оседал липкой влагой на стеклах, размывая контуры проезжающих мимо двухколесных кэбов и превращая фигуры редких пешеходов в колеблющиеся призрачные силуэты.

Шерлок Холмс сидел у камина, поджав под себя длинные худые ноги, одетый в свой просторный мышино-серый халат. С самого рассвета он не произнес ни единого слова, сосредоточенно курия старую, почерневшую от времени трубку из корня вереска, набитую крепким черным табаком. Как медик, я не мог одобрить эту его пагубную страсть, разрушающую здоровье, но спорить с Холмсом в такие минуты было бесполезно. В комнате стоял такой плотный, сизый дым, что голова моего друга казалась отрезанной от тела и парящей в глубине мрачной пещеры, а едкий запах табака неприятно

першил в горле.

Я лениво перелистывал утренний выпуск «Таймс». Причудливая лондонская сырость снова пробудила во мне старую ноющую боль – этот болезненный сувенир я привез с собой из далекого Афганистана, где роковая пуля из джезаила настигла меня в Майвандской битве. Каждое движение отзывалось тупой судорогой, заставляя меня замереть в кресле.

– Вы напрасно проявили такую небрежность к мази из окопника и камфоры, которую я столь тщательно приготовил для вас в прошлый четверг, Ватсон, – внезапно произнес Холмс.

Он даже не повернул головы в мою сторону, продолжая аккуратно капать какую-то едкую жидкость из стеклянной пипетки в пробирку. Я невольно вздрогнул и отложил газету на колени, искренне изумленный его внезапным замечанием.

– Поразительно, Холмс! – воскликнул я, покачав головой. – Ушам своим не верю. Откуда вы можете знать, что в данную секунду я думаю именно о своей старой ране? Я ведь не издал ни единого стога и, как мне казалось, ничем себя не выдал. Ваша проницательность начинает казаться мне чем-то поистине сверхъестественным.

Холмс тихо, сухо рассмеялся. Он не обернулся, но я увидел в отражении чисто вымытого стекла шкафа с реактивами, как блеснули его серые глаза.

– Мой дорогой Друг, в этом нет ни капли мистики, всё

дело исключительно в геометрии ваших движений и элементарном наблюдении, – ответил он, наконец откладывая пилетку и поворачиваясь ко мне лицом. – Последние пять минут вы держите «Таймс» под углом, который удобен не вашим глазам, а вашему левому локтю. Вы плотно прижали руку к туловищу – это типичная защитная реакция человека, оберегающего ноющий сустав. Вы утверждаете, что не шевелились, но я прекрасно видел в отражении, как каждые полминуты вы осторожно косились на окно, за которым разыгрался типичный лондонский ливень. Для человека с пулей в плече такая погода – худший враг.

– Допустим, – согласился я. – Но при чём тут мазь и моя небрежность?

– А это самое любопытное, – улыбнулся Холмс, кивнув на мой воротник. – Из вашего кресла доносится отчетливый запах камфоры. Взгляните на свой левый лацкан – там красуется свежий жирный мазок. Вчера ночью, когда шторм только начинался, вы в темноте пытались нащупать моё лекарство на полке. Но вместо того чтобы раздеться и втереть линимент как положено врачу, вы спросонья нанесли его вслепую, прямо через воротник халата. Целебный окопник остался на сукне вашей одежды, а ваше плечо до сих пор сковано спазмом. Отсюда вывод: мазь вам не помогла, плечо ноет, а дождь за окном заставляет вас вспоминать Афганистан. Логично?

– Вы правы, как и всегда, – признал я с искренней улыб-

кой, удивленный тем, как легко он разложил по полочкам мои тайные действия. – Но каков ваш собственный диагноз на сегодня, Холмс? Вы так и не прикоснулись к завтраку, который миссис Хадсон принесла еще три часа назад, а ваша верная скрипка молчит со вчерашнего вечера. Для любого, кто знает ваши привычки, это весьма тревожный знак. Обычно ваше утреннее затворничество в лаборатории означает, что ваш сверхактивный разум отчаянно ищет пищу и вы просто пытаетесь убить время своими химикатами.

Холмс наконец отложил предмет своих изысканий и неторопливо повернулся ко мне от лабораторного стола. Его серые, глубоко посаженные глаза лихорадочно и азартно блеснули.

– Мой дорогой Ватсон, сегодня вы ошибаетесь, я вовсе не убиваю время, – ответил он. Длинным, тонким указательным пальцем он указал на предмет, лежавший рядом с микроскопом посреди разбросанных склянок.

Это был кусок плотного, дорогого белого шелка, безжалостно вырезанный из какой-то одежды. Прямо в самом центре этого белоснежного лоскута красовалось темное, маслянистое пятно овальной формы.

– Вы решили, что я скучаю? О нет! Лондон стал невыносимо, смертельно скучен для Скотленд-Ярда, Ватсон. Настоящие, мыслящие преступники перевелись в этом городе. Карманники, уныло крадущие сосиски у мясников в Уайт-чепеле, и пьяные матросы, устраивающие банальные поно-

жовщины в доках – вот и весь их контингент. Но этот скромный лоскут шелка... Он вернул мне подлинный вкус к жизни. Этот клочок ткани заставил мой мозг работать на полную мощность с той самой секунды, как личный слуга графа доставил его на Бейкер-стрит, пока вы еще предавались безмятежному сну.

– И что же в нем такого особенного? – спросил я, наклоняясь вперед и с любопытством разглядывая ткань. – На первый взгляд, это просто грязная тряпка.

– Это фрагмент ночной сорочки достопочтенного Генри Сэвилла, лорда-хранителя Малой печати и седьмого графа Сэвилла, – многозначительно произнес Холмс. – Его личный слуга привез этот трофей на Бейкер-стрит ровно три часа назад. Он утверждает, что его личный рабочий кабинет, совмещенный со спальней в особняке на Гросвенор-сквер, посещает неуловимый ночной гость. Этот визитер не крадет золото, не трогает фамильное серебро и дорогие безделушки, которые лежат на виду. Он проникает туда исключительно ради старинных документов. А во время их последнего ночного столкновения в темноте хозяин сумел крепко схватить таинственного гостя, однако тот вырвался, нанес сильнейший удар и скрылся. В момент их физического контакта на сорочке графа и остался этот самый след.

Я поднялся со своего места, подошел к столику, взял лоскут в руки и, как дипломированный медик, внимательно изучил структуру загрязнения, поднеся ткань к самому носу.

Пятно было вязким, глубоко въевшимся в волокна ткани и пахло чем-то специфическим – сладковатым, слегка напоминающим горький миндаль, но с очень резкой, отчетливой примесью тяжелого минерального сырья.

– Это какой-то редкий восточный яд? – спросил я, чувствуя, как чисто профессиональный интерес начинает брать надо мной верх. – Возможно, растительного происхождения?

– Нет, Ватсон, это вовсе не яд, – ответил Холмс, покачав головой. – Это смазочное вещество. Очень редкое, невероятно дорогое машинное масло, которое используют часовщики для сложнейших механизмов башенных курантов или... – Холмс сделал интригующую паузу, пристально глядя мне прямо в глаза, – для точных оптических приборов высокого разрешения, производимых исключительно на заводах Карла Цейсса в Йене.

Но самое пикантное заключается в природе этого загрязнения. Ткань буквально пропиталась им в результате короткой, но чрезвычайно яростной борьбы в абсолютной темноте, когда редкое масло из раздавленной масленки нападавшего перешло на шелк графа.

Глава 2. Странный посетитель с Гросвенор-сквер

В этот самый момент внизу, в прихожей, раздался резкий,дребезжащий звонок в дверь, нарушивший тишину дома.

Мы услышали тяжелые, торопливые шаги миссис Хадсон и характерный шелест её пышных юбок. В следующий миг до нас донесся громкий, взволнованный мужской голос, который то и дело срывался на фальцет. Незнакомец настойчиво, не терпящим возражений тоном требовал немедленной встречи с мистером Шерлоком Холмсом.

— А вот и наш почтенный пациент, — заметил Холмс, азартно потирая руки и поднимаясь с кресла. — Приготовьте ваш блокнот и карандаш, Ватсон. Нам предстоит увлекательное погружение в грязные семейные архивы высшей британской аристократии.

Дверь нашей гостиной с грохотом распахнулась, и на пороге появился человек, чей внешний облик кричал о глубоком внутреннем смятении и душевном надломе, несмотря на очевидную роскошь его дорогого гардероба.

Лорд Генри Сэвилл был высок и худощав. Он обладал бледным, породистым лицом с тонкими, почти прозрачными чертами, которое так часто встречается у представителей старинных английских родов, чьи предки веками правили

страной. Его дорогое зимнее пальто с роскошным бобровым воротником было небрежно расстегнуто, тонкий шелковый галстук сбился далеко набок, а в руках он судорожно тискал свой шелковый цилиндр, то и дело прижимая его к груди, словно щит от невидимой угрозы.

– Мистер Холмс! – воскликнул он, тяжело дыша и буквально бросаясь к моему другу, едва заметив его фигуру. – Вы должны, вы просто обязаны мне помочь! Мой разум находится в смертельной опасности! Скотленд-Ярд открыто считает меня сумасшедшим, инспектор Лестрейд дерзко посмеялся над моими опасениями, назвав их плодом ночных кошмаров, но я знаю, я всем своим существом чувствую, что вокруг меня плетется чудовищный заговор, который грозит уничтожить не только мою жизнь, но и честь всей британской короны!

Холмс вежливо, но твердо взял лорда под локоть и аккуратно усадил его в глубокое кожаное кресло, которое я только что освободил ради нашего гостя.

– Успокойтесь, милорд, – мягко, но с железной настойчивостью в голосе произнес Холмс, усаживаясь напротив. – Вы находитесь у людей, которые не привыкли смеяться над чужими страхами, какими бы нелепыми они ни казались обывателям. Расскажите нам всё по порядку, не упуская ни одной мелкой детали. Помните, что для человеческого ума нет ничего более обманчивого, чем очевидный факт, если он не подкреплён строгим логическим анализом. Это мой верный

друг, доктор Ватсон. Он конфиденциален так же, как эти старые стены.

Лорд Сэвилл сделал глубокий, судорожный вдох, его хололенные руки с дорогими перстнями продолжали заметно дрожать. Он торопливо вытащил из кармана белоснежный батистовый платок и нервно вытер обильный пот со лба, хотя в нашей комнате было довольно прохладно из-за сквозняков.

– Всё началось ровно три недели назад, – заговорил он глухим, надтреснутым и сдавленным от волнения голосом. – Мой фамильный особняк на Гросвенор-сквер – это настоящая крепость, мистер Холмс. Все входные двери запираются на массивные замки сложнейшей системы Чабба, окна первого и второго этажей защищены прочными коваными решетками, а по периметру сада каждую ночь дежурят двое верных слуг, ветеранов колониальных войн. Я сплю чрезвычайно чутко, господа. Очень чутко после того, как провел пять долгих лет в Калькутте в качестве специального военного комиссара Ост-Индской компании, где покушения были обычным делом.

Холмс слегка прищурился, и в его глазах промелькнул мгновенный, хищный интерес исследователя.

– Калькутта? Ост-Индская компания? Военные архивы? Весьма, весьма любопытно. Продолжайте вашу историю, прошу вас, милорд.

– Так вот, – продолжал лорд Сэвилл, нервно перебирая пальцами бахрому платка. – Мой массивный письменный

стол-бюро стоит в самом углу кабинета, который по совместительству служит мне спальней. В его глубоком потайном ящике хранятся старые, пожелтевшие от времени письма моего покойного отца, лорда Томаса Сэвилла. Он, как вам, возможно, известно, возглавлял секретную службу Адмиралтейства во время великого восстания сипаев в Индии. Секрет потайного механизма этого бюро знаю только я один во всем мире. Но в последнее время там начали происходить необъяснимые, пугающие вещи. Это бюро принадлежало еще моему деду, и последние десять лет тяжелый внутренний замок скрытой панели жутко заедал от старости. Чтобы открыть его, приходилось повернуть ключ и нажать на дубовую планку с огромным физическим усилием, и при этом замок издавал противный, громкий металлический скрежет на всю комнату. А пару дней назад я решил пересмотреть бумаги, повернул ключ без особого труда, коснулся панели – и потайной ящик буквально выскользнул мне в руки, мягко, плавно и абсолютно бесшумно, словно механизм был совершенно новым! Я был поражен, обнаружив, что письма лежат не в том порядке – кто-то тайно прикасался к моим вещам, хотя все замки в бюро внешне оставались безупречно целыми, без единой царапины!

– Скажите, Сэвилл, – Холмс слегка прищурился, пуская под потолок аккуратное колечко дыма, – у кого еще мог быть дубликат ключа от этого бюро? Быть может, у вашей прислуги или родственников?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.